

Тува вчера, сегодня, завтра

У ТУВИНЦЕВ ЦЭНГЭЛА

М. В. Монгуш

Аннотация: Статья посвящена международной научной экспедиции под руководством японского профессора Ю. Конагая в Баян-Улэгэйский аймак Монголии, которая состоялась летом 2012 г. Автор исследует особенности образа жизни и культуры монгольских тувинцев.

Ключевые слова: тувинцы, научный туризм, малочисленные народы Монголии.

Летом 2012 года при финансовой поддержке Национального музея этнологии (Минпаку) Осака (Япония) и под руководством профессора Ю. Конагая состоялась Международная японско-китайско-монгольско-российская экспедиция в Монголию. Автор статьи представлял российскую сторону. О посещении экспедицией Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая мы уже писали (см.: Монгуш, 2012: Электр. ресурс). На этот раз статья о другой территории.

Мы посетили сумон Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака, примыкающий к Монгун-Тайгинскому кожууну Республики Тува. Нашим гидом был научный сотрудник аймачного научного центра, уроженец Цэнгэла, ныне житель г. Улэгэй, доктор Гаагийн Золбаяр. Основная цель нашей поездки состояла в знакомстве с современной жизнью цэнгэльских тувинцев.

Следует отметить, что тувинцы в Монголии живут не только в сумоне Цэнгэл, но также в сумоне Буянт Баян-Улэгэйского аймака; в сумоне Буянт (сумоны с одноименным названием Буянт имеются в Баян-Улэгэе и Кобдо) Кобдоского аймака; в сумоне Цагаан-Нур Хубсугульского аймака; в сумоне Алтанбулаг Селенгинского аймака; в сумоне Заамар Центрального аймака (Монгуш, 2010: 208).

Монгуш Марина Васильевна - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований, ведущий научный сотрудник Российского института культурологии.

Достоверных сведений о численности тувинского населения в Монголии, к сожалению, не существует. По данным, полученным из неофициальных источников, всего в стране проживает около 20 тысяч тувинцев. В это число входят и те, кто сохранил по сей день свой родной язык (по предварительным подсчетам, это не более 8 тыс. чел.), и те, кто давно утратил его, но продолжают при этом осознавать себя тувинцами.

Наши попытки уточнить численность тувинцев по данным переписи населения не увенчались успехом, поскольку выяснилось, что до недавнего времени их в паспорта записывали либо урянхайцами, либо уйгурами, либо казахами, а иногда и монголами. Однако с начала 1990-х годов у них наметилась другая тенденция — их по их собственному желанию стали записывать тувинцами.

Многие тувинцы, живущие в Цэнгэле, утверждают, что раньше, когда еще не было установлено государственных границ между Тувой, т.е. Россией и Монголией, их земли считались частью тувинской территории. Установление границ между двумя странами привело к тому, что они оказались на монгольской территории.

В 1963 г. был ликвидирован самостоятельный тувинский сумон Цэнгэл; он был объединен с сумоном Ак-Хем, где в основном жило казахское население. Это оказало отрицательное влияние на тувинцев, составлявших

меньшинство вновь созданного сумона. Все ключевые посты и основные рабочие места заняли казахи, и многие тувинцы оказались безработными.

Однако казахи лишили тувинцев не только рабочих мест, но и плодородных пастбищ, без которых дальнейшее пребывание последних в этих краях теряло смысл. В поисках работы многие тувинские семьи, свыше 1100 человек, покинули Цэнгэл. Они перебрались в другие аймаки страны, прежде всего в Селенгинский и Центральный, в которых по специальной государственной программе предусматривалось ускоренное социально-экономическое развитие, и, следовательно, местное руководство нуждалось в дополнительной рабочей силе.

Многочисленные попытки цэнгэльских тувинцев обратить внимание правительства Монголии на свое бедственное положение в течение длительного времени не приносили желаемых результатов. В начале 1990-х годов около 40 семей предприняли отчаянную попытку: они написали официальное письмо Президенту Тувы (с марта 2002 г. — Председатель правительства РТ) с просьбой предоставить им право на постоянное жительство в Туве.

Из-за невозможности решить этот вопрос на республиканском уровне (для этого требуется разрешение федеральных органов), письмо было переадресовано в вышестоящие инстанции в Москве, откуда, к сожалению, никакого ответа не последовало. Тогда на положение цэнгэльских тувинцев откликнулся их земляк, известный монгольский писатель тувинского происхождения Чинагийн Галсан, в прошлом выпускник Лейпцигского Университета Германии. Он в 1995 г. за счет личных средств организовал переезд 36 семей из сумонов Заамар и Алтанбулаг снова в Цэнгэл, что в определенном смысле было вызовом монгольским властям. Они возвращались на верблюдах в течение месяца, преодолев 2 тыс. км. Все это время немецкие документалисты снимали публицистический фильм о них, который позже, выйдя на экраны страны, вызвал большой резонанс у монгольской общественности. Благодаря этому прецеденту отток тувинского населения из Баян-Улэгэйского аймака временно прекратил-

ся. Но, начиная с 2010 г. он вновь возобновился в связи с ухудшением социально-экономических условий жизни и увеличения безработицы.

В настоящее время в Цэнгэле проживают 1740 тувинцев (435 семей), 8700 казахов и 6 монголов. В различных учреждениях сумона работают 43 тувинца; из них 3 специалиста — в больнице, 2 — в детском садике (в тувинской группе, которая открылась в 2006 г.), 6 — в местной администрации, 32 человека — в начальной тувинской школе, а остальные заняты личным хозяйством (Кара-оол, 2012: Электр. ресурс) .

Языковая ситуация

Тувинцы Цэнгэла свободно говорят на трех языках: тувинском, монгольском и казахском. Благодаря близости к территории Тувы и наличию хороших дорог, контакты между жителями сумона и российскими тувинцами существовали постоянно, особенно активными они были в 1950–1960-х годах. Это обстоятельство, безусловно, положительно отразилось на состоянии тувинского языка цэнгэльских тувинцев. По сравнению с другими группами тувинцев они значительно лучше владеют своим родным языком и проблема его сохранения для них не столь актуальна, как для остальных.

До недавнего времени в Цэнгэле существовала одна единственная школа с монгольскими и казахскими классами. В ней ежегодно обучалось около 1200–1400 учащихся. Преподавание велось на двух языках — монгольском и казахском. В качестве иностранного языка преподавали русский. Тувинские дети обычно учились в монгольских классах.

В 1991 г. местные власти, учитывая интересы тувинского населения, из одной школы образовали две — монгольскую с казахскими классами и тувинскую. Инициатором этой идеи выступил отец нашего гида Ч. Гагаа (в 1992–1994 гг. он был директором данной школы). Вначале школа имела статус учреждения среднего образования и проработала в этом режиме до 1997 г., а с 1 сентября 1998 г. стала начальной школой. Школу недавно посещали филологи, педагоги из Тувы, о чем пишет Л. С. Кара-оол (там же).

По первоначальному замыслу предполагалось все предметы в школе перевести на тувинский язык. Однако родители учащихся выразили опасение, что это может привести к нежелательным результатам: дети будут крайне слабо владеть монгольским, в результате чего их шансы получить хорошее образование в престижных учебных заведениях страны резко снизятся. Поэтому было решено ввести в школьную программу ту-

винский язык, а все остальные предметы преподавать на монгольском. Из других языков в школе изучают монгольский и английский, а также старописьменное монгольское письмо (монг. *монгол бичиг*).

Коллектив школы, как сообщает Л. С. Кара-оол, состоит из 32 человек; в школе обучаются более 190 учащихся. Учителя постоянно проходят курсы повышения квалификации в административном центре аймака, в Улан-Баторе, а также в Кызыле, в столице Республики Тува. Так, например, в октябре 2009 г. группа учителей во главе с З. Нарантуяа прошли курсы

на базе филологического факультета Тувинского государственного университета, организованные профессором М. В. Бавуу-Сюрюн и доцентом Н.Ч.Дамба. Для них были проведены лекционные и практические занятия по методике преподавания родного языка в начальной школе (там же).

В 2011 г. школа отметила 20-летие. Она находится в хорошем состоянии. Это двухэтажное здание; на первом этаже размещается интернат для детей чабанов, который открыли в январе 1999 г., и кабинет школьного врача. В интернате проживают 87 детей. На втором этаже находятся классы, где учатся дети с 1 по 5 классы. Школа работает в режиме пятидневки в две смены. Начиная с шестого класса, учащиеся переходят в соседнюю школу, где обучение ведется только на монгольском языке, и учатся вместе с казахскими и монгольскими сверстниками (там же).

Отдельного предмета «Тувинская литература» в цэнгэльской начальной школе нет, однако на уроках тувинского языка дети знакомятся с жанрами устного народного творчества и некоторыми образцами произведений тувинских писателей из России. Невозможность обучения детей данной школы по учебникам, составленным российскими авторами для школ с родным (тувинским) языком обучения объясняется тем, что язык цэнгэльских тувинцев имеет свои диалектные особенности, в нем зафиксировано более 45% лексических, 11% грамматических и 44% фо-

нетических диалектизмов (Хийс Гансук, 2009: 4). А у цэнгэльских учителей пока нет опыта по составлению учебников, учитывающих языковые особенности местного населения. Поэтому данной проблемой занимаются сотрудники научно-образовательного центра «Тюркология» ТувГУ во главе с к. фил.н., проф. М. В. Бавуу-Сюрюн. Они ведут исследование в рамках проекта «Лингвистические и психолого-педагогические основы модели начальной школы для детей дисперсных групп этнических тувинцев Монголии» (там же).

Наш гид Золбаяр высказал желание пригласить в Цэнгэл группу учителей из Кызыла и подписать с ними контракт о сотрудничестве. В их число, по его мнению, должны войти не только учителя тувинского языка, но и других предметов: истории, физкультуры, домоводства. С точки зрения Золбаяра, цэнгэльская молодежь остро нуждается в расширении кругозора, в культурном и информационном обмене с российскими сородичами и для достижения этой цели им необходимо живое и непосредственное общение с учителями из Кызыла.

В языковом отношении тувинцы Цэнгэла по сравнению с другими группами тувинского населения, вне всякого сомнения, находятся в наиболее благополучном положении. Во-первых, они имеют начальную тувинскую школу, в то время как у других групп она отсутствует. Во-вторых, им намного легче, чем остальным, общаться с жителями Тувы и таким образом поддерживать достаточно высокую степень сохранности родного языка.

Основные занятия

Места проживания цэнгэльских тувинцев по своим физико-географическим и экологическим особенностям мало чем отличаются от Тувы. Они почти со всех сторон опоясаны горными хребтами, которые практически не пропускают на их территории насыщенные влагой воздушные течения извне. По ландшафту они очень близки к Восточной Сибири, чем обусловлен и их резко континентальный климат. Для этих зон характерны открытые пространства, где отсутствуют возможности для искусственного орошения, но зато имеются обильные разнотравьем пастбища. Здесь такие же, как в Туве, суровые зимы с резкими ветрами и жаркое лето с небольшим количеством выпадаемых осадков. В этих природно-климатических и ландшафтных условиях исторически сложился наиболее рациональный во всех отношениях хозяйственно-культурный тип скотоводов-кочевников.

Монгольские тувинцы были и остаются непревзойденными животноводами. В их хозяйстве до сих пор сохраняются многие традиционные черты; формы ведения хозяйства имеют много общего с соответствующей монгольской, что подтверждает факт наличия у

них общих черт в материальной культуре. Они также, как и российские тувинцы, имеют сезонные пастбища, роль которых в животноводстве незаменима — это главное условие содержания скота.

Из домашних животных основную хозяйственную роль играют лошади, так как кочевание немислимо без этих животных, издавна приспособленных человеком для верховой езды и транспортировки груза. Помимо лошадей в большом количестве разводят крупный и мелкий рогатый скот. Особое предпочтение отдается разведению овец — животных, наиболее приспособленных к тебеневкам, т. е. зимним пастбищам, где скот находится на подножном корму. У цэнгэльских тувинцев в незначительной степени развито и сарлыководство, это направление их деятельности носит сугубо локальный характер и не имеет повсеместного распространения.

Как бы велика ни была роль животноводства, надо иметь в виду, что тувинцы нуждаются и в продуктах земледелия. Поэтому в тех местах, где позволяют климатические условия, они занимаются земледелием и огородничеством. Мы посетили несколько домохозяйств, имеющих свои огороды. В них выращивались картофель, облепиха, капуста, репа и лук.

Основными видами промыслов у цэнгэльских тувинцев являются охота, рыболовство и собирательство. В настоящее время у них существуют два направления охоты — пушное и мясное. Цель пушной охоты в условиях суровой тайги — добыча соболя и белки. Их шкурки приносят основной доход. Лишь попутно и в небольших количествах добывают зайца,

сурка, колонка, горноста́я, суслика, редко выдру, лису, рысь, росомаху. Цель мясной охоты — добыча мяса как основной пищи в зимнее время. Для этого охотятся на различных крупных и мелких копытных зверей — лося, дикого кабана, косулю, марала и на птиц — глухаря, рябчика, куропатку, тетерева.

Рыболовство изначально играло не очень большую роль в жизни тувинцев, в частности, из-за отсутствия в местах их проживания обширных морских пространств. Наличие рек и озер хотя и привело к возникновению рыболовства, но лишь в качестве дополнительного промысла. Сейчас им занимаются в основном дети или же отдельные любители этого вида промысла, который служит лишь для удовлетворения личных потребностей, тем более, что рыба традиционно не пользуется особым спросом у тувинцев.

Собирательство в прошлом для тувинцев имело весьма существенное значение и, по мнению некоторых исследователей, было довольно разнообразно в видовом отношении. Объектами собирательства являлись употребляемые в пищу дикорастущие плоды, ягоды, орехи, семена и зерна злаков и других трав, корни и корнеплоды, стебли, молодые побеги, листья, почки, цветы, мягкая сердцевина деревьев и пр. Продукты собирательства были достаточно надежными источниками пищи, поэтому этот промысел играл большую роль в жизни общины. Сейчас в основном собирают ягоды, кедровые орехи, дикий лук, иногда выкапывают сарану и кандык, варят их в воде, либо сушат и едят зимой.

Помимо традиционного животноводства, тувинцы заняты также в других сферах деятельности, которые свидетельствуют о зарождении у них оседлости. Часть населения по характеру своей работы уже привязана к постоянному местожительству, к аймачному или сумонному центру; в основном это учителя, врачи, инженеры, ветеринары, рабочие деревообрабатывающих артелей и артелей по обработке кожи, плотники, строители, служащие органов управления и других общественных учреждений. Молодые тувинцы стали выезжать на учебу в крупные города, где приобретают современные специальности (программирование, менеджмент, гостиничный и туристический бизнес), которые также предполагают оседлый образ жизни.

Жилище

Большая часть цэнгэ́льских тувинцев, особенно чабаны и их семьи, живут в юртах. Сельские жители, как правило, имеют и юрту, и срубный или саманный дом. В юртах обычно живут в летнее время, в домах — в

зимнее. Это удобно еще и потому, что юрта в зимнее время превращается в морозильную камеру, в которых хранят запасы мяса и другие скоропортящиеся продукты, а дом летом — в мини-гостиницу, где размещают приехавших родственников и гостей.

Во второй половине XX в. заметно выросло число общественных зданий, чаще всего построенных из глиняных кирпичей и покрытых штукатуркой. К началу 1980-х годов картина еще более изменилась: участки оседлых жилищ — ансамбль из юрты и бревенчатого дома, иногда с хозяйственными постройками — были уже обнесены заборами; кирпичных домов, в том числе трехэтажных, стало гораздо больше.

В домах в основном используют традиционную мебель ручной работы (всевозможные сундуки, невысокие столы, шкафы, кушетки). Наряду с нею в быт входит передвижная мебель фабричного производства — обладание ею стало элементом престижа.

Все дома тувинцев радиофицированы. Практически каждая семья имеет телевизор, у зажиточных — он обычно цветной, у малоимущих — черно-белый. Постепенно распространение получают магнитофоны, цифровые аппараты, видеокамеры, холодильники, стиральные машины, пылесосы и другие электробытовые приборы. Чтобы приобрести такие товары, тувинцы специально ездят в большие города, так как к ним их

пока не завозят. Думается, что в скором времени положение изменится — монгольский рынок начал осваивать отдаленные уголки страны.

Музыкальная культура

У цэнгальских тувинцев, как и у российских, чрезвычайно развито песенное творчество; праздники у них часто сопровождаются многочасовым коллективным пением, которое может порою длиться до глубокой ночи.

В своих песнях они любовно воспевают «великие реки» — Енисей, Иртыш, Кобдо, «великие горы» — Саяны и Алтай, степи и долины, а также Танды-Тыва — родину тувинцев. Эти образы ассоциируются то с кочевьями, то с воспоминаниями об охоте, то с мыслью о любимом и верном друге —

коню, постоянном спутнике, называемом в песнях множеством ласковых имен. Песни, как правило, исполняются на одну и ту же мелодию, хотя по смыслу и содержанию они совершенно различны. По нашей просьбе, информаторы исполнили множество песен на самые разные темы.

Особо следует сказать о таком специфическом явлении музыкального фольклора, как горловое пение — хоомей. Традиционно хоомей считается искусством мужского пения, символизирующим мужскую удаль, вдохновение доброго молодца. К этому жанру относятся так называемые песни пастуха, табунщика, охотника, холостяка, ловеласа и т. д. В зависимости от ситуации они исполняются либо в сопровождении музыкальных инструментов — игила, шоора, допшнуура, бызанчы, хомуса, либо без них.

Хоомей в прошлом имел практическое значение. Например, исполняя его, охотник мог подзвать к себе любого зверя, а чабан — найти потерявшееся животное. Музицирование в тайге перед охотой должно было обеспечить человеку удачу не только в охоте, но и во всех других делах и

хозяйственных заботах. Однако позже хоомей стал одним из видов светского искусства, пользующимся успехом у всех слоев населения. Цэнгэльские тувинцы признают, что мастерство исполнения хоомея у тувинцев России значительно выше, чем у них. Чтобы перенять их богатый опыт, они активно участвуют в конкурсе на звание лучшего хоомейжи, который с конца 1980-х годов регулярно проводится в столице Тувы и имеет статус международного. В 1992 г. лауреатами очередного конкурса «Хоомейжи» стали жители Цэнгэла Иргит Папизан и два его ученика. Сейчас Иргит Папизан готовит для будущих конкурсов новых исполнителей из числа цэнгэльских тувинцев.

Мы познакомились с музыкантом Доржу Батсуу (22 года), уроженцем Цэнгэла, который четыре года обучался в училище искусств в Кызыле. Сейчас он преподает в школе музыку (монг. *хөгжим*). Основное внимание уделяет обучению молодых людей горловому пению. Он же занимается изготовлением музыкальных инструментов; к 20-летию юбилею школы изготовил 2 допшнуура, 4 шоора, 1 кенгирге и 1 игил. Несколько лет назад Батсуу побывал у китайских тувинцев в Синьцзяне и впервые исполнил там популярную песню «Я тувинец» (тув. *Мен тыва мен*), авторами которой являются монгольские тувинцы Окей Шанагаш и Кантемир Сарыглар. Она тут же была подхвачена китайскими тувинцами и вскоре зазвучала на китайском языке.

Детские обряды

Дети для тувинцев — самое дорогое из того, что у них есть; в них они видят главный смысл своей жизни. Во всех аалах, в которых мы побывали, было много детей и мы видели, как взрослые относятся к ним удивительно нежно и заботливо. Они их никогда не наказывают, кормят грудью до тех пор, пока те не начнут ходить. Ребенка не целуют, а нюхают, что является наивысшей формой ласки у тувинцев.

Английский путешественник Д. Каррутерс еще в начале XX века отмечал, что у тувинцев содержать детей в большом количестве не считается бременем, напротив, многодетность обеспечивает им дальнейшее продолжение рода (Каррутерс, 1914: 248). Немецкая исследовательница Э. Таубе, которая провела шесть месяцев у цэнгэльских тувинцев, отмечает, что существует множество защитных обрядов и табу, чтобы уберечь ребенка от всего злого (Таубе, 1994: 14).

К числу последних относится целая система иногда рациональных, но часто суеверных предписаний, например, обмазывание лба ребен-

ка сажай, если вечером его должны вынести из дома; пришивание к его одежде когтя медведя или орла, которые, по поверьям, защищают от порчи и сглаза; запрет перешагивать через одежду ребенка, дабы не лишиться его покровительства добрых сил; обычай давать ребенку несколько имен, чтобы обманывать таким образом злых духов, вознамерившихся забрать его душу.

Если дети в семье часто умирают, то, желая сохранить новорожденному жизнь, ему дают неблагозвучное имя монгольского или тувинского происхождения. В этих же целях иногда мальчика называют женским именем, девочку — мужским; или девочку одевают как мальчика, а мальчика как девочку, при этом первой стригут волосы, второму, наоборот, их отращивают и заплетают в косу.

Очень популярен и праздник «первой колыбели», устраиваемый на третьи или седьмые сутки после рождения ребенка. До этого он безотлучно находится с матерью и спит с ней в одной постели. Поскольку тувинские семьи, как правило, имеют больше одного ребенка, детей принято растить в одной и той же колыбели, которая переходит от старших детей к младшим.

Прежде чем положить новорожденного в колыбель, его обмывают освященной и ароматизированной можжевеловым водой, затем его пуповину кладут в маленький мешочек, который привязывают к изголовью колыбели, где он висит до тех пор, пока малыш не

покинет свое первое ложе. Под малыша подкладывают одек—сушеный овечий помет, который выполняет функцию «активного памперса», так как помимо задачи пропускать и впитывать влагу, удерживать тепло, он еще обладает определенным бактерицидным свойством.

Следующий широко бытующий обряд у цэнгэльских тувинцев назы-

вается «дукалыр»; он также известен как обряд первой стрижки. Обычно он совершается по достижении ребенком трехлетнего возраста (считая внутриутробный период развития). Обряд этот, сопровождаемый преподнесением ребенку щедрых даров в виде скота и предметов личного пользования, знаменует переход от младенчества к детству.

Межэтнические отношения

Основными этническими партнерами тувинцев в Цэнгэле являются казахи и халх-монголы, тогда как удельный вес представителей других этнических групп — дархатов, дербетов, захчинов, алтайцев — на порядок ниже. Из них монголы чаще остальных становятся брачными партнерами тувинцев, хотя в целом их число в тувинских семьях не столь значительно. Причина тому в интраэтнических установках тувинцев в вопросах семьи и брака.

Оказалось, что большинство информантов не очень одобрительно относятся к бракам с людьми другой национальности, считая это препятствием для сохранения этнической целостности тувинской общины. Склонность тувинцев к однонациональным бракам, как нам объяснили, продиктована не столько их желанием сохранить «чистоту крови», сколько боязнью появления нового члена семьи, принадлежащего к другой национальности, и в силу этого способного нарушить привычный уклад семейной жизни, существующие нормы взаимоотношений и этикета между поколениями и полами, традиции социального поведения и роль каждого члена семьи. Подобные ориентации в некоторых случаях ведут к кровосмешению, что, по сути, является и инцестом. В Баян-Улэгэйском аймаке, в частности в Цэнгэле, за последние годы значительно возросло число детей, рожденных от родителей, состоящих в близком родстве. Как и следует ожидать в таких случаях, дети сильно отстают в умственном развитии и имеют физические дефекты. Наши информанты с горечью сравнивают: если в 1970–1980-х годах тувинские школьники часто заканчивали школу с золотой или серебряной медалью, а затем успешно поступали в престижные вузы страны, то начиная с 1990-х годов показатели их успеваемости стали неуклонно падать — на смену здоровым детям пришли дети, рожденные в кровнородственных браках.

Сложившаяся ситуация вызывает полное недоумение, так как отношение тувинцев к подобным бракам во все времена было однозначно отрицательным; они к ним относились с крайним осуждением; считали, что мужчинам нельзя жениться не только внутри своего рода, но и сумона;

неприличным было брать в жены даже дальнюю родственницу.

Традиционно в тувинском обществе господствует моногамный брак, который регулируется экзогамными запретами, распространяющимися на родственников по отцовской линии до определенного поколения. В круг лиц, на которых распространяются эти запреты, входят все члены кровнородственной группы, имеющие происхождение от одного общего предка — родоначальника. Речь в данном случае идет о роде, основанном на фактическом кровном родстве, а не об официальном роде, представляющем собой административную и фискальную единицу. Экзогамия отцовского рода соблюдается довольно строго; брак внутри него расценивается как недопустимое и позорное нарушение обычая. Пожилые информанты утверждают, что обычно после седьмого поколения от общего предка род у них разрастается настолько, что на его основе образуются два самостоятельных экзогамных рода, которые уже могут обмениваться невестами.

С цэнгэльскими тувинцами дело обстоит сложнее. У них в кровнородственные браки вступают не по ошибке, как мы полагали, а вполне сознательно, что является не просто отступлением от брачных норм, но и нарушением их «по собственному желанию». Подобное поведение не поддается объяснению с точки зрения логики, однако наши информанты мотивируют его тем, что у них в мужья и жены принято брать только «своих».

В то же время те, с кем мы обсуждали проблему межэтнических контактов, признали, что национальный состав коллектива для них не имеет никакого значения, более того, они даже убеждены, что многонациональный состав в целом положительно влияет на производственные отношения. Также для наших информантов практически никакой роли не играет национальность друга или соседа, главное, чтобы «человек был хорошим».

Сами тувинцы весьма высоко оценивают свою способность входить в контакт с представителями других национальностей; они считают, что свободное владение языками соседних народов позволяет им без труда находить общий язык с любым из них.

Однако во время некоторых обрядов, в частности обряда оваа дагылгазы, в качестве почетных гостей принято приглашать представителей других этнических групп, но при этом они обязательно должны исповедовать ту же веру, что и тувинцы, т. е. быть буддистами. Следовательно,

из ближайших соседей на обряде могут присутствовать только монголы, а казахи, будучи мусульманами, остаются в стороне. Кстати, у казахов также существуют некоторые обряды религиозного характера, в которых не имеют права участвовать иноверцы.

Особого внимания заслуживают тувинско-казахские отношения. Всего казахов в Монголии насчитывается около 130 тыс., из них 50 тыс. проживают в административном центре Баян-Улэгэйского аймака, остальные разбросаны по сумонам и другим аймакам страны. Не удивительно, что Баян-Улэгэй считается «самым казахским» аймаком Монголии.

На первый взгляд, тувинско-казахские отношения выглядят вполне благополучными и они по большому счету таковыми и являются. Открытых межэтнических столкновений не происходит, однако некоторую озабоченность наши информанты все-таки высказали нам. За последние десять лет казахи на добровольные пожертвования построили три мечети в Цэнгэле. Они начали обучать своих детей в медресе, устанавливать активные контакты со странами мусульманского мира. Тувинцы опасаются, что казахи благодаря своему численному преимуществу, могут установить свои мусульманские порядки, включая многоженство. Чтобы противостоять процессу исламизации, тувинцы прилагают все усилия, чтобы построить буддистский храм в сумоне. Они надеются, что это поможет им, с одной стороны, противопоставить себя мусульманскому большинству, с другой — укрепить свою собственную конфессиональную идентичность. Насколько это им удастся — покажет время.

Отношения с Тувой

Осенью 2001 г. в столице Республики Тыва открылось Генеральное консульство Монголии, призванное регулировать российско-монгольские взаимоотношения в самых различных областях. На должность консула Великим хуралом Монголии был утвержден Т. Пунцок, цэнгэльский ту-

винец, до этого работавший послом на Кубе и в структурах Министерства иностранных дел страны. В 2004 г. его на этом посту сменил Чойжинжавын Сумаахуу.

Благодаря этому представительству тувинские и монгольские исследователи обрели возможность без излишней бюрократической волокиты осуществлять совместные и индивидуальные научные проекты, в том числе и по дальнейшему, более глубокому и всестороннему изучению тувинцев Монголии и цэнгэльских тувинцев в частности.

В 2002 г. между Тувинским институтом гуманитарных исследований и Научным центром Баян-Улэгэйского аймака был подписан договор о научном сотрудничестве. Первым его шагом стала комплексная фольклорная экспедиция в сумон Цэнгэл, в которой приняли участие исследователи двух стран (всего 7 человек). В общей сложности ими было записано 467 наименований разного материала (333 — фольклорного, 34 — литературного, 48 — этнографического, 22 — исторического, 12 — лингвистического и 18 родословных таблиц) и более 400 комментариев лексики. Экспедиция проехала по маршруту Кызыл–Хандагайты–Улэгэй–Цэнгэл–Верховья Ак-Хема (Самдан, 2003: 365, 367).

В августе 2004 г. в столице республики, накануне празднования 60-летнего юбилея со времени вхождения Тувы в состав Российской Федерации, состоялся Первый съезд этнических тувинцев, на который съехалось более 80 человек из разных регионов Центральной Азии.

Гости были из Бурятии, Алтая и Монголии. Местная пресса отмечала, что делегация из Цэнгэла была самой представительной и по количеству, и по подготовке.

Надо заметить, что правительство Тувы прилагает много усилий по оказанию помощи монгольским братьям, что лишь способствует общей

этнической консолидации тувинцев. Учитывая то обстоятельство, что тувинцы в Монголии испытывают определенные сложности, связанные с сохранением родного языка, правительство Тувы обязалось регулярно обеспечивать пока единственную тувинскую школу в Цэнгэле всеми необходимыми учебниками и пособиями. Высшие и средние учебные заведения республики принимают на льготной основе абитуриентов из числа монгольских тувинцев. Наиболее успешные из них по окончании института поступают в очную аспирантуру на базе ТувГУ. В настоящее время в Тувинском госуниверситете учатся пять выпускников цэнгэльской школы.

Летом 2008 г. генеральный консул Монголии в Туве Чойжинжавын Сумаахуу был отмечен тувинским правительством высокой наградой за выдающиеся заслуги в деле укрепления дружбы и добрососедства между тувинским и монгольским народами, за вклад в развитие торгово-экономических, научно-технических, культурных и гуманитарных связей между Тувой и Монголией. За время его полномочий отношения между республиками действительно заметно активизировались: неоднократно проводились Международные торговые ярмарки, устраивались совместные национальные праздники (Наадым и Новый год по лунному календарю), осуществлялся обмен кадрами, проводились мероприятия по сохранению культуры и языка этнических тувинцев, проживающих в Монголии.

Список литературы:

Кара-оол, Л. С. (2012) Начальная тувинская школа Цэнгэля [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: http://www.tuva.tv/journal/issue_16/5655-kara-ool.html (дата обращения: 30.11.2012).

Каррутерс, Д. (1914) Неведомая Монголия. Урянхайский край. Т. I. Пг.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный музей этнологии.

Монгуш, М. В. (2012) У тувинцев Синьзяня: двадцать лет спустя [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_16/5654-mongush.html (дата обращения: 12.02.2013 г.).

Самдан, З. Б. (2003) О материалах Цэнгэльской экспедиции 2003 г. // Ученые записки ТИГИ. Вып. XX. Кызыл.

Таубе, Э. (1994) Сказки и предания алтайских тувинцев. М.

Хийс Гансук (2009) Особенности тувинской речи жителей Цэнгэля : автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск.

AT TUVANS OF TSENGEL

M. V. Mongush

Abstract: The article is about the International scientific expedition under the direction of the Japanese professor Ю. Konagaya in Bayan-Ulegeiimag of Mongolia that took place in summer of 2012. The author investigates the features of way of life and culture of Mongolian Tuvans.

Keywords: Tuvans, scientific tourism, small ethnic groups of Mongolia.